

О выдѣленіи чувства тревоги въ самостоятельное чувство.

На основаніи данныхъ, приведенныхъ мною въ описаніи «Душевнаго состоянія воиновъ въ ожиданіи боя» (по даннымъ врачей и офицеровъ участниковъ сраженій)¹⁾, я пришелъ къ выводу, что доминирующимъ душевнымъ состояніемъ въ періодъ ожиданія боя у воиновъ бываетъ чувство *тревоги*, чувство, которое должно быть разсматриваемо какъ особое, самостоятельное и, по моему, не должно быть смѣшиваемо съ чувствомъ страха, что до сихъ поръ проводится и въ психологической литературѣ и въ обычной жизни.

Въ статьѣ: «Тревожное ожиданіе (тревога) — боязливое или опасливое ожиданіе»²⁾ г. Дмитревскій не находитъ достаточныхъ основаній къ выдѣленію чувства тревоги въ самостоятельное и разсматриваетъ чувство тревоги (тревожное ожиданіе), какъ боязливое или опасливое ожиданіе, т.-е. какъ *видъ чувства страха*.

Позволю себѣ коснуться положеній, на которыхъ г. Дмитревскій основываетъ утвержденіе, что «и въ дѣйствительности тревожное ожиданіе отдѣлить отъ страха невозможно».

Данныя со стороны нашего *сознанія* указываютъ (по Дмитревскому), что «тревожное ожиданіе обязательно подразумѣваетъ возможность опасности, зла, бѣды, непріятности, слѣдовательно, оно оказывается *страхомъ*». Ибо и по Сикорскому: «*страхъ* есть ожиданіе близкой боли и бѣды. Производныя эти чувства будутъ: *боязнь* — ожиданіе грядущей боли или непріятности...»

Слѣдовательно, и у Сикорскаго, какъ будто то, что утверждаетъ г. Дмитревскій.

Но, читаемъ у того же И. Сикорскаго, лишь въ другомъ мѣстѣ³⁾: «Въ страхѣ, боязни, опасеніи рѣчь идетъ объ *удаленіи себя* отъ боли, бѣды и опасности, а потому въ фізіогномику (внѣшнее тѣлесное выраженіе чувства) этихъ состояній входятъ соотвѣствен-

1) Д-ръ Г. Шумковъ. «Военный Сборникъ», май и іюнь 1913 г. Опъ же. «Военный Сборникъ». Ноябрь, 1913 г.

2) А. Дмитревскій. «Военный Сборникъ». Январь, 1914 г.

3) И. Сикорскій. «Всеобщая психологія», изд. 1912 г., стр. 386 и стр. 613.

ныя движенія или зачатки движеній; эти явленія и служатъ фізіогномическимъ знакомъ описываемаго духовнаго состоянія... Наблюденія надъ лицами, идущими на казнь, изображаютъ состояніе этихъ несчастныхъ слѣдующими чертами: страшная *блѣдность*, *похолодѣніе* общихъ покрововъ, сухость во рту, поднятые *дыбомъ волосы*, крайняя *мышечная слабость*, доходящая до того, что идущаго на казнь необходимо не только поддерживать, но даже, какъ выражается наблюдатель-врачъ, почти нести; при видѣ орудій казни и вблизи ихъ, несчастный невольно подается назадъ. *Боязнь*, какъ ожиданіе отдаленныхъ физическихъ и нравственныхъ бѣдствій выражается *тѣми же знаками*, что и *страхъ*, но въ слабѣйшей степени. Въ боязни, какъ и въ страхѣ, человѣкъ желаетъ отдалить себя отъ опасныхъ событій, или опасныя событія отъ себя».

Упоминаетъ авторъ «Всеобщей психологіи» и тревогу, но опредѣляетъ ее: «*тревога* представляетъ собою острое опасеніе или боязнь—она стоитъ между страхомъ и боязнью. Слѣдовательно, она должна имѣть также внѣшнія—фізіогномическія черты, какъ и страхъ».

Итакъ; проф. Сикорскій, опредѣляя страхъ по *сознанію*, какъ ожиданіе близкой боли и бѣды, и боязнь, какъ ожиданіе отдаленныхъ физическихъ и нравственныхъ бѣдствій, въ то же время считаетъ необходимымъ опредѣлять эти чувства и по внѣшнему выраженію: «*блѣдность*, *похолодѣніе* общихъ покрововъ, поднятые *дыбомъ волосы*, крайняя *мышечная слабость*, или *удаленіе себя отъ боли*, бѣды, опасности»...

Совпаденіе показаній сознанія и внѣшнихъ тѣлесныхъ обнаруженій, соотвѣтствующихъ данной эмоціи, характеризуетъ эмоцію, но... не одно лишь показаніе сознанія.

Лучшая монографія по психологіи чувствъ проф. Рибо ⁴⁾ учитъ, что изученіе эмоцій съ точки зрѣнія чисто психологической недостаточно. Самонаблюденіе (надъ явленіями сознанія) какъ бы тщательно ни велось, не можетъ дать описанія внутреннихъ фактовъ и отмѣтить всѣ оттѣнки: оно ничего не говоритъ относительно условій и генезиса эмоцій; оно имѣетъ дѣло съ безтѣлесной эмоціей, съ абстракціей.

Большая заслуга ученыхъ Джемса и Ланге состоитъ въ томъ, что они оба, въ одно и то же время и совершенно независимо другъ отъ друга, указали на капитальную важность фізіологическихъ

⁴⁾ Проф. Рибо. «Психологія чувствъ», переводъ съ французскаго. Кіевъ. стр. 91.

факторовъ въ эмоціи... «Она является самымъ важнымъ вкладомъ въ психологію эмоцій, какой только былъ сдѣланъ».

Каждая эмоція имѣетъ свой опредѣленный симптомокомплексъ—complexus. Каждая изъ эмоцій состояніе сложное: это цѣлое скопище психофизиологическихъ явленій, составленное изъ группировки простыхъ элементовъ, которые различаются, сообразно каждой эмоціи, но подъ которыми слѣдуетъ всегда понимать: 1) особое состояніе *сознанія*; 2) особыя измѣненія въ функціяхъ *органической жизни* и 3) *движенія* или задержки, или стремленіе къ задержкѣ особаго рода движеній.

Всякая первоначальная эмоція есть прирожденный симптомокомплексъ, въ которомъ выражается непосредственно организація индивида; эмоціи, это—*организованныя* проявленія чувствованій, это—*реакція индивида* на все то, что имѣетъ отношеніе къ его сохраненію, къ усовершенствованію, къ его существованію, къ улучшенію его благосостоянія.

Итакъ, научное требованіе психологіи для того, чтобы характеризовать эмоцію-чувство, это опредѣлить его съ трехъ сторонъ: 1) со стороны *сознанія* (самонаблюденіе); 2) со стороны функцій *органической жизни* (блѣдность, покрасненіе, дѣятельность сердца, кишечника и др.), и 3) со стороны движеній (поведеніе и дѣятельность)—наблюденіе надъ другими. Каждую эмоцію необходимо характеризовать съ трехъ сторонъ ея проявленій и при помощи опредѣленнаго метода самонаблюденія (его одного недостаточно) и наблюденія надъ другими (тоже одного недостаточно). Желательно оба метода соединить вмѣстѣ и наблюдать эмоцію самонаблюденіемъ и наблюденіемъ другихъ одновременно, провѣряя точность одного изъ нихъ другимъ.

Этотъ методъ одновременнаго самонаблюденія и наблюденія надъ другими со взаимной провѣркой полученныхъ данныхъ примѣнялся мною для опредѣленія психическаго состоянія воиновъ въ періодъ ожиданія боя. И я получилъ данныя, приведенныя въ моихъ работахъ ⁵⁾, которыя характеризуютъ душевное состояніе въ эмоціи тревоги. Для опредѣленія эмоціи, ея характера, я обращалъ должное вниманіе: 1) и на сознаніе, 2) и на движенія, и 3) на состояніе органическихъ функцій.

Опредѣленный симптомокомплексъ чувства тревоги, отличающийся отъ чувства страха, далъ мнѣ право разсматривать чувство тревоги, какъ самостоятельное чувство.

⁵⁾ Д-ръ Г. Шумковъ. «Военный Сборникъ» №№ 5, 6 и 11—1913 г.

Отсюда, опредѣляя чувство тревоги, какъ самостоятельное, я руководился «не остроуміемъ» только, а и психическими данными, полученными при помощи опредѣленнаго метода, подѣ душевнымъ переживаніемъ въ періодъ ожиданія боя. Кромѣ того, это опредѣленіе «не отвлеченное», «лишь бы оправдать свою тенденцію къ выдѣленію тревоги изъ страха», а полученное научнымъ методомъ изъ непосредственной жизни—изъ душевныхъ переживаній воиновъ въ періодъ ожиданія боя.

То, что «особаго чувства—самостоятельнаго «тревожнаго ожиданія» нѣтъ и оно не входитъ ни въ одинъ инвентарь чувствъ чело-вѣка, ни у одного изъ психологовъ», нисколько меня не смущаетъ.

Разъ я руководился опредѣленнымъ общепризнаннымъ методомъ, получилъ данныя, рѣзко отличающія тревогу отъ страха, я имѣю полное право утверждать и не соглашаться даже со всѣми психологами. Да, къ тому же, если мы вспомнимъ, что всѣ ученые психологи, на которыхъ мы ссылаемся, писали свои психологіи на мирномъ положеніи и на войнѣ не бывали, то и станетъ казаться не удивительнымъ, что чувство тревоги, выпукло и ярко выступающее на войнѣ, въ бояхъ, ими не отмѣчено въ такихъ яркихъ положеніяхъ, какъ другія чувства. Они—психологи мирнаго времени. А намъ, военнымъ психологамъ, приходится не столько отстаивать психологическія истины, почерпнутыя въ кабинетномъ размышленіи, сколько, руководясь также научными методами, какъ они, дополнять психологію мирнаго времени психологіей боя—военной психологіей. Ибо, хотя чело-вѣкъ со своей психикой одинъ и тотъ же въ мирное время и въ бояхъ, но переживанія психическія по силѣ и выразительности могутъ быть другія и, будучи незамѣтными въ мирное время, въ военное, боевое, они становятся преобладающими и обращаютъ на себя вниманіе. Неудивительно отсюда и то, что чувство тревоги въ мирное время можно смѣшать и смѣшиваютъ со страхомъ, а въ боевое время чувство тревоги выступаетъ выпукло и ярко.

Не слѣдуетъ забывать и того, что хотя психологія чувствъ кажется намъ достаточно развитой областью и о чувствахъ и ихъ дѣленіи можно найти много руководствъ, но дѣленіе чувствъ по опредѣленному методу, проводимому мною, разработано очень мало. Нельзя не согласиться съ первыми словами предисловія книги проф. Рибо ⁶⁾: «психологія чувствованій представляетъ темную и мало изученную область. Хотя она, въ нѣкоторой степени, выиграла

⁶⁾ Проф. Рибо. «Психологія чувствъ», стр. 5. Кіевъ.

отъ современнаго увлеченія психологическими изслѣдованіями, но это увлеченіе, надо сознаться, не особенно повліяло на работающихъ, которые предпочли изученіе другихъ фактовъ: воспріятія, памяти, представленій, движеній и вниманія.

Проявленія чувствъ тревоги и страха со стороны *движеній* и со стороны *органическихъ* функций—разныя. Я не провожу детальныхъ сравненій, ибо это займетъ много мѣста, и отсылаю къ опредѣленію чувствъ тревоги съ указанныхъ сторонъ къ моимъ работамъ и работамъ другихъ, писавшихъ о страхѣ съ объективной стороны (Ланге и даже Сикорскій).

Что касается проявленій тревоги и страха *со стороны сознанія*, то здѣсь будто бы нельзя провести никакой разницы.

Если бы даже по сознанію и немислимо было отдѣлить тревогу отъ страха, то одного подраздѣленія по характеру *движеній* и по разницѣ въ *органическихъ* функцияхъ достаточно для выдѣленія тревоги изъ чувства страха. Ибо, въ настоящее время, у психологовъ считается, что показанія сознанія не всегда точны и лучше не ссылаться на явленія сознанія, а руководиться лишь объективными проявленіями чувствъ, данными въ проявленіяхъ движеній и органическихъ измѣненіяхъ (проф. Бехтеревъ. «Объективная психологія». 1909 г.).

Возьмемъ обыденную жизнь. Говорятъ «пробили тревогу», «его растревожили», «на сердцѣ тревога», и т. п. Неужели послѣ того, какъ «пробили тревогу», всѣ солдаты находятся уже въ страхѣ? Неужели «его растревожили», значить его испугали и онъ находится въ боязливомъ или опасливомъ ожиданіи? Неужели, когда на сердцѣ тревога, то значить, что оно отъ страха похолодѣло? Нѣтъ. Посмотримъ на животныхъ. Стадо овецъ передъ грозой тревожно топчется, суетится, блеетъ—неужели оно въ страхѣ? Я думаю оно не въ страхѣ, а въ тревогѣ. Ящерица, встревоженная чѣмъ-то, выскочила изъ подъ прикрытія и бѣгаетъ то впередъ, то назадъ, то въ сторону—это тревога; вдругъ новый шумъ, тогда она въ страхѣ убѣгаетъ.

У людей. Мать ждетъ сына съ войны, котораго не видѣла два года: она не спокойна, въ тревогѣ, неужели это страхъ? Ученикъ идетъ на экзамены, волнуется; мать успокаиваетъ—не стоитъ, если и оставить—пустяки, а онъ все же волнуется. По моему и здѣсь тревога, а не страхъ.

Я согласенъ съ г. Дмитревскимъ, что тревога начинается съ момента представленія о какой-нибудь опасности, бѣдѣ, непріят-

ности и т. п.; такъ начинается чувство страха, но дальше уже разница. При *страхѣ* бѣда, опасность, непріятность кажутся въ нашемъ представленіи *превышающими наши силы*, и мы отъ этой бѣды... или бѣжимъ, садимся или падаемъ на мѣстѣ, не можемъ сдвинуться; языкъ нѣмѣетъ; волосы становятся дыбомъ; холодный потъ на кожѣ и т. п. При *тревогѣ*—возможна бѣда, опасность, непріятность, но въ умѣ представляется, что эта бѣда... *можетъ быть, можетъ и не быть*; мы *неуверены*, что бѣда *непретѣнно* будетъ. При *тревогѣ*—имѣется *представленіе о бѣдѣ...*, но тутъ же имѣется *представленіе и о возможности минованія бѣды и даже пріятности этого минованія*. Въ *тревогѣ* мы *неуверены* ни въ бѣдѣ, ни въ счастьѣ и вслѣдствіе этой неуверенности мы и тревожимся. Гдѣ есть *уверенность въ счастье*—чувство *радости*; гдѣ есть *уверенность въ бѣдѣ*, несчастьѣ—*страхъ*.

Въ *тревогѣ* мы неуверены ни въ бѣдѣ..., ни въ счастьѣ, но то, что имѣетъ наступить, мы не можемъ отбросить отъ себя; мы не можемъ объ этомъ не думать и забыть; оно насъ захватываетъ, интересуется, волнуется.

Въ *страхѣ*—боязни—по нашему представленію бѣда, опасность... неминуемы и превышаютъ наши силы и мы, сознавая свое безсиліе, бѣжимъ отъ опасности, отъ страха падаемъ, иногда отъ страха умираемъ.

Въ *тревогѣ* бѣда, опасность... представляются могущими быть, но могущими и не быть; мы въ нихъ неуверены и онѣ *представляются* намъ *минуемыми*. Однако, это ожиданіе чего-то неопредѣленного пріятнаго или непріятнаго насъ захватываетъ и мы поджидаемъ, какъ непріятныхъ событій, такъ и пріятныхъ, и слѣдовательно психически себя *подготавливаемъ къ грядущимъ событіямъ*.

На основаніи приведеннаго и по явленіямъ *сознанія*, такъ же, какъ по *движеніямъ* и по *функціямъ органической жизни*, чувство тревоги отличается отъ чувства страха и должно разсматриваться, какъ самостоятельное чувство.

Въ данномъ очеркѣ я не привожу данныхъ о свойствахъ дѣятельности и поведенія лицъ, находящихся въ страхѣ и тревогѣ; они различны; и эта разница еще разъ подтверждаетъ, что эти чувства не общія, а разныя и самостоятельныя.

Д-ръ Т. Шумковъ.